

№ 10255

Журнальные отголоски.

«Русск. Мысль» и «Сов. Вѣстн.», ноябрь.—«Изъ переписки недавнихъ дѣятелей».—«Будущая сила, покоящаяся на берегахъ Дона», проф. Менделѣевъ.—«Желанное желѣзное судостроеніе на югѣ и условия, благоприятствующія ему».—«Съ двухъ сторонъ», В. Короленко.—«Студенческая мечтательность».—«Имянины», Ант. Чехова.—«Психологическая глубина автора и недостатки формы».—«Гетманъ», Н. Златовратскаго.—«Почужимъ людямъ», рассказы П. Боборыкина.

Ноябрьская книжка *Русск. Мысли* начинается продолженіемъ «Материаловъ для исторіи русскаго общества».—«Изъ переписки недавнихъ дѣятелей», какъ выражается въ заголовкѣ журналъ, т. е. продолженіемъ писемъ Огаревъ къ Герцену. Для характеристики умственного наравленія нашихъ тридцатыхъ годовъ, собственно лучшихъ представителей той эпохи, письма эти представляютъ весьма большой интересъ; изъ нихъ вы видите, что люди читали, чѣмъ интересовались, какія требованія предъявляли къ жизни и чего чуждались. Конечно, все это они даютъ въ сырой формѣ, съ беззачетными повтореніями одного и того же; иначе и быть не можетъ, когда дѣло идетъ о перепискѣ между друзьями. Но рядомъ съ философскими, иногда наивными, тирадами, письма даютъ и фактическія данныя для литературной и общественной исторіи эпохи. Вотъ что, напр., пишетъ Огаревъ о представленіи «Ревизора». «Во 2-мъ актѣ стали вызывать Гоголя. Баронъ (такъ звали въ кружкѣ Кетчера) отхлопалъ себя ладоши, которыя рѣжутъ и покрываются пузырями, а я въ ложѣ хлопалъ только тогда, когда внизу и сверху, казалось, хотѣла-было водвориться тишина. Но явился Хлестаковъ и разсказалъ, что Гоголя нѣтъ въ театрѣ (*Sensation, desappointement, rumeur à gauche*). Но пьеса шла превосходно, громъ Синецкой, которая, мнѣ кажется, не умѣетъ схватить это сляпное провинциализма, сверкающихъ приемовъ и романтичности. Хлестаковъ (Самаринъ) средней доброты, Шепкинъ неподражаемъ и Орловъ также. Чѣмъ болѣе внимаю въ эту пьесу, тѣмъ болѣе слаживаются всѣ неровности, которыя воображались прежде, и каждое лицо является въ удивительной истинности... Здѣсь передъ нами цѣлый рядъ отзывовъ—объ актерахъ, о комедіи Гоголя и пр., весьма характерныхъ для пишущаго. А далѣе въ письмѣ вы находите отзывы о книгахъ, не менѣе любопытные. Въ письмахъ отъ 1839 года находятся указанія и на отношенія между «гегелианскими» и «сенсимонистскими» московскими кружками, главными представителями которыхъ, какъ извѣстно, были: перваго—Станкевичъ, Вѣликий и пр., а втораго Герценъ. Взаимоотношенія этихъ кружковъ другъ на друга несомнѣнно должно было вначалѣ быть очень сильно, и оно окончилось, какъ извѣстно, торжествомъ и въ Вѣликомъ идей Герцена. Въ началѣ и

«сенсимонисты» пытались философствовать на манеръ «гегелианцевъ». Но любобытно, что Герценъ, получивъ по рожденію, оказывался наименѣ воспримчивымъ къ тонкостямъ цѣмцевой диалектики. Вотъ что пишетъ ему Огаревъ, имѣя, какъ видитъ читатель, нѣкоторыя основанія для рѣзкости своихъ выраженій: «А объ духѣ ты пишешь мнѣ такую дичь, что духъ захватываетъ... Какъ это духъ *Begriff des Alls*, когда въ духѣ *Begriff* развивается, и изъ твоего объясненія духа я (если ему повѣрю) помечу назадъ въ уразумѣніи его... Потомъ я спрашиваю, что такое *Begriff* (понятіе) и что такое значить духъ—понятіе *des Alls*? Что это, духъ что-ли содержитъ въ себѣ понятіе безчисленнаго количества вещей въ мірѣ? Ей-Богу не понимаю.» Огаревъ сообщаетъ между прочимъ Герцену и объ отъѣздѣ Вѣликаго въ Петербургъ, о пріѣздѣ Пассека въ Москву и пр. Передъ читателемъ проходитъ рядъ именъ, ставшихъ впоследствии знаменитыми: Катковъ, Гааховъ, Ботвинъ, Бакунинъ и пр. и пр. Въ послѣднихъ напечатанныхъ письмахъ «отрывается завѣса», по выраженію примѣчанія редакціи журнала,—на цѣлый рядъ ссоръ между женой Огарева и его друзьями, о чѣмъ достаточно говорится и въ мемуарахъ г-жи Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Жена Огарева имѣла наклонность болѣе къ жизни свѣтской дамы, чѣмъ подруги бурша-философа, окруженнаго тавини же друзьями, въ числѣ которыхъ были и разночинцы. Отсюда въ жизни Огарева возникли диссонансы, болѣзненные всегда, а особенно тяжелые при тѣхъ понятіяхъ о гармоніи жизни въ мысли, дружбѣ и любви, какія господствовали въ кружкѣ, и при томъ взаимномъ анализѣ, какой составлялъ одну изъ характеристичныхъ особенностей тогдашнихъ кружковъ. Всѣ эти данныя, находимыя въ письмахъ Огарева, получили бы, конечно, въ глазахъ обыкновеннаго читателя болѣе интересъ, если бы письма не были развиты въ журналѣ на мелкіе куски въ 16 страницъ, которые въ отдаленности представляютъ малый интересъ, будучи значительными только въ цѣломъ, во всей совокупности.

Мы неоднократно уже обращали вниманіе читателей на статьи проф. Менделѣева, — «Будущая сила, покоящаяся на берегахъ Дона», печатающаяся въ *Съверномъ Вѣстникѣ*. Заглавіе, имѣющее въ виду собственно каменный уголь, какъ «будущую силу», обнимаетъ собою, однако, лишь часть обширнаго предмета, которому посвящаетъ знаменитый профессоръ свои изысканія; содержаніе статей—будущая промышленно-торговая жизнь юга Россіи, въ связи съ развитіемъ каменноугольнаго промысла. Въ ноябрьской книжкѣ журнала авторъ говоритъ собственно и почти исключительно о «железномъ судостроеніи на югѣ Россіи», въ его зависимости отъ угля и въ его пользѣ для развитія каменноугольнаго дѣла. Прежде всего авторъ останавливаетъ вниманіе на фактѣ, который, по его мнѣнію, долженъ «многихъ поражать», именно, на быстромъ развитіи желѣзнаго пароваго торговаго судоходства по Каспійскому морю и на системѣ рѣкъ, въ него вливающихъ, и, въ противоположность этому, на «малой успѣшности усилій для развитія своего (русскаго) пароходства на Черномъ морѣ и на

рѣкахъ, ему несущихъ свои воды». Причину этого указываютъ то въ субсидіяхъ и привилегіяхъ, данныхъ «Русскому Обществу пароходства и торговли», давящему поэтому всѣхъ соперниковъ, то въ томъ фактѣ, что на Черномъ морѣ есть соперники для русскихъ — иностранцы, а на Каспій вѣхъ нѣтъ, — наконецъ, даже въ различіи національностей матросовъ на судахъ того и другаго моря.

По мнѣнію автора, «не тамъ надо искать корень». «Думаю, — говоритъ онъ, — что корень этотъ въ двухъ иныхъ, простѣхъ причинахъ. Первая—на Черномъ морѣ до сихъ поръ каменный уголь шель англійскій, платили пудъ болѣе 15 к., а то и вѣсь 20 к., а на Каспійскомъ морѣ «жидкій уголь» или нефтяные остатки давно ужъ свои, и ихъ чуть не даромъ даютъ, обирай только, увоза, а дадутъ $\frac{1}{2}$ или 1 к. за пудъ, много-много что 2—3 к., такъ скажутъ большое спасибо». И вотъ, по мнѣнію профессора, «безъ широкихъ дѣлъ на Черномъ морѣ съ русскими углемъ не дождаться намъ своего, столь желаннаго торговаго флота на Черномъ морѣ (гдѣ понинѣ русскій торговый флотъ преимущественно парусный). Паровой флотъ забилъ парусный судю, а у насъ, при дороговизнѣ капиталовъ и при возможной дешевизнѣ топлива, нельзя и думать нинѣ дѣйствовать иначе, какъ паромъ, а потому уголь тутъ, какъ и во многомъ другомъ, стоитъ на первомъ планѣ». Но и для самой торговли углемъ, какъ для торговли нефтью, необходимъ особый флотъ, — «угля по морямъ возить больше, чѣмъ хлѣба, только у насъ видно обратное», — замѣчаетъ авторъ. Другую причину успѣха русскаго торговаго пароходства на Каспійскомъ и неуспѣха на Черномъ моряхъ авторъ видитъ въ томъ, что на послѣднемъ морѣ необходимо понинѣ покупать пароходы за границею, платить за нихъ высокую таможенную пошлину, да получать, какіе пришлютъ, а на Каспійскомъ морѣ теперь свои русскіе заведли, да не хуже, и получаютъ, что и когда надобно. Въ результатѣ, «на Черноморьѣ нѣтъ пароваго судостроенія для промышленныхъ цѣлей даже для рѣкъ, не то что для морей». «Пишутъ, пишутъ о торговомъ флотѣ, — замѣчаетъ профессоръ, — о надобности судоходства по рѣкамъ, по морскимъ берегамъ (лабонтамъ) и для дальняго плаванія, чтобы самимъ намъ имѣть заработокъ на перевозкѣ нашихъ товаровъ, а думаютъ мало о постройкѣ судовъ и объ ихъ топливѣ. Все хочется плоды кушать вкусные, а хлопотать о деревѣ, тѣ плоды производящемъ, объ уходѣ за нимъ, прививкѣ—охоты нѣтъ.» «Не жадность, — говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — а простой расчетъ заставляетъ думать о своемъ судоходствѣ по морю, если только приняты дѣла. А безъ нихъ намъ не прожить, экономически насъ задавятъ...»

Авторъ обращаетъ вниманіе и на препятствія, мѣшающія развитію русскаго судостроительства на Черномъ морѣ. Но первое изъ этихъ препятствій оказывается въ томъ, что въ области Чернаго моря нѣтъ такихъ мѣстъ, верфей, гдѣ бы можно было снарядить желѣзное паровое судно, и одному Обществу, получившему разрѣшеніе имѣть свои паровыя баржи, приходилось выписывать ихъ изъ-за границы, платя (съ таможенными расходами)

въ полтора раза дороже дѣйствительной стоимости. Разсматривая дальше условия и цѣнность постройки въ Россіи и за границей, авторъ приходитъ къ выводу, что нашему судостроенію дана правительствомъ явная охрана, крупный барышъ. Что же медлятъ предприимчивые люди? Чего боятся? — спрашиваетъ авторъ. Причины этого, по автору, сложны. Предприимчивые люди боятся того, что система таможенныхъ сборовъ можетъ переимѣниться, и готовые иностранные суда, чего добраго, безъ пошлыны будутъ впускаться въ предѣлы русскихъ морей; потомъ боятся, что кому-нибудь изъ возникающихъ судостроителей дадутъ опять привилегіи и гарантіи или субсидіи, въ родѣ тѣхъ, какія дали рельсовымъ заводамъ, «Русскому Обществу пароходства и торговли» и т. п. А если бы что нибудь подобное случилось, смѣлому предпринимателю приходилось бы чрезвычайно рисковать. Пугаетъ и сложность дѣла, такъ какъ при современномъ положеніи дѣла предпринимателю придется чуть не съ чугуна начинать все самому, а дѣлать его надо у моря, придется, пожалуй, особую желѣзную дорогу строить для подвоза угля и руды. Въ концѣ судостроительнаго предприятия стоитъ получение заказовъ, а за ними денегъ за готовые суда, — но и этого конца боятся, при безденежьи и неразвитости кредита въ Россіи. «Оно спокойнѣе купоны рѣзать...» Естественно, что охотниковъ рисковать мало.

Между тѣмъ, по автору, на югѣ Россіи сосредоточены всѣ условия не только для важнаго значенія торговаго движенія хлѣбомъ, нефтью, углемъ и всякими товарами, но и для производства металлическихъ паровыхъ судовъ необходимаго типа; близки есть и уголь, и руды, и отличные мастерские придутъ изъ Тулы, съ Урала и пр.; тутъ и хлѣба для рабочихъ не привозить, не покупать-стать издали; тутъ есть ужъ много техниковъ и инженеровъ, — запасъ знаній уже существуетъ; тутъ, къ тому же, по берегамъ Азовскаго моря всякій пунктъ защищенъ пушками Керчи, а на черноморскихъ берегахъ устья Дибра, Буга и Ингула защищены офикаскими твердынями. Нигдѣ въ мірѣ, по автору, нѣтъ столь благоприятныхъ условий для развитія судостроительства. И если дѣло пойдетъ пона, то только потому, что «наши русскіе порядки таковы, что выгодныхъ дѣлъ у насъ множество, но въ нихъ нейдутъ...»

Чтобы возбудить желѣзное паровое судостроеніе на югѣ Россіи, авторъ считаетъ необходимыми слѣдующія мѣры: 1) объявить, что существующая таможенная пошлина не измѣнится въ теченіе опредѣленнаго срока, 15—20 лѣтъ; 2) предприятия металлическаго судостроенія объявить совершенно свободными отъ всякихъ сборовъ и налоговъ; 3) подѣ судостроительные заводы на морскихъ берегахъ отчуждать землю какъ въ казну и сдавать ее въ аренду или продавать предпринимателямъ съ обязательствомъ вести судостроеніе, безъ чего та земля должна опять отходить въ казну; 4) первымъ судостроительнымъ учрежденіямъ дать право ввезти изъ-за границы снаряды и станки (но не чугунъ, не сырье), необходимые для дѣла, съ разсрочкой таможенной пошлины на пять, на десять лѣтъ, и т. д. При этихъ условіяхъ судостроеніе будетъ поставлено въ

такія условия, при которыхъ оно можетъ развиваться. Но авторъ и самъ боится «кое-чего». «Не разберешь, — говоритъ онъ не безъ irony, — кому хлопотать объ этомъ возбужденіи судостроенія, не знаешь, какое министерство вѣдаетъ этимъ подлинно». Тутъ уголь и руды съ добычею желѣза и стали — они въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; тутъ и порты, и рѣчное судоходство замѣшались явно, а они у министра путей сообщенія; тутъ интересы торговли и промышленности, а они въ министерствѣ финансовъ; тутъ и морское дѣло, а оно въ морскомъ министерствѣ... Словомъ, авторъ боится той канцелярской немощи, которая всегда является тормазомъ для живаго дѣла. Боится авторъ и другихъ немощей нашихъ. Но въ концѣ-концовъ его призываетъ великому дѣлу энергической торговли и промышленности въ нашихъ южныхъ моряхъ дышетъ энергіей и убѣдительно. И тѣ перспективы, которыя рисуются за его проектируемыми предприятиями, такъ полны жизни и такъ заманчивы, что способны потревожить вѣковѣчный апатичный сонъ русскій.

При современномъ уровнѣ беллетристики, встрѣчая въ журналѣ произведеніе, отиѣченное искрою дарованія, невозможно не остановиться на немъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ разсматриваемыхъ нами книжкахъ, между тѣмъ, нередь нами два разсказа, подписанные двумя талантавыми представителями русской новой беллетристики, гг. Короленко и А. Чеховымъ, и два разсказа давно извѣстныхъ талантавыхъ писателей, г. Н. Златовратскаго и г. Боборыкина. Повѣствованіе г. Короленко, напечатанное въ *Русской Мысли*, называется: «Съ двухъ сторонъ» (разсказъ о двухъ настроеніяхъ), и въ той части, которая напечатана, состоитъ въ слѣдующемъ. Лицо, отъ котораго ведется разсказъ, — студентъ Петровской академіи около Москвы, и только передаетъ свои впечатлѣнія отъ исторіи, проходящей передъ его глазами. И съ этой точки зрѣнія разсказъ г. Короленко въ высокой степени выдержанъ: ничего, что противорѣчило бы въ разсказѣ роли только наблюдателя, ничего, свойственнаго самому участнику происшествія, вы не найдете въ немъ, и оттого впечатлѣніе читателя получается ясное и простое, цѣлое, не нарушаемое. Исторія же, которую разсказываетъ это лицо, которую онъ близко видѣлъ, касается его товарища по академіи, Урманова, уроженца «архангельскихъ тундръ», т. е. собственно санаго города Архангельска. Авторъ очень хорошо описываетъ тогдашнее мечтательное студенческое настроеніе разсказчика. Последнему казалось, что «изъ насъ», т. е. изъ него самого и его товарищей, «должно было выйти нѣчто совѣшь особенное (даже по сравненію съ Боклемъ, Фогтомъ, Бюхнеромъ и проч. «божками»), люди совѣшь новые и необычайные, какіе-то такіе, какіхъ никогда еще не было. Миѣ все казалось, что у меня въ душѣ есть нѣчто еще не раскрывшееся, но тѣмъ не менѣе ясно ощущаемое. И когда оно раскроется... Смѣшно, господа, неправда ли?» Такимъ же мечтательнымъ колоритомъ покрытъ былъ для разсказчика и Урмановъ. «Въ моемъ воображеніи, — говоритъ онъ — съ его нѣсколько инородческими, хотя и довольно врасивыми чертами неразрывно свя-

залось представлѣніе о тундрѣ. Низко нависшее небо, снѣгъ кругомъ, убогіе чумы, дымокъ чуть вѣется надъ ними, олени пощипываютъ траву. Тундра спитъ, дремлютъ ея обитатели, дремлютъ олени и только откуда-то долетаетъ чуть слышная заунывная пѣсня, полная безнадежной тоски. Все это закодированное царство спитъ, пока... именно пока Урмановъ учится въ академіи. Затѣмъ онъ, вооруженный знаніями, приобретенными въ аудиторіяхъ, и еще многими другими, отвернется отъ соблазновъ культуры, отъ женской любви (непрерывно!), побѣдитъ всѣ прикличья личной жизни и вернется на свою угрюмую родину. И тогда въ тундрѣ начнется весна, пѣсня зазвенитъ ярче, самоѣдъ проснется отъ вѣбоваго сна къ новой жизни, къ борьбѣ за свои права, за поправленіе въ его лицѣ права человѣка. Самоѣдская молодежь станетъ собираться вокругъ Урмакова, и онъ станетъ говорить имъ объ ихъ «славномъ прошломъ», станетъ учить ихъ единенію съ лучшими силами русскаго народа, стремящимися къ общему благу... Вотъ каковы мечты студента-разсказчика объ Урмановѣ. И вотъ это-то Урмановъ становится героемъ весьма романтическаго приключенія. Вблизи академіи живетъ нѣкто генералъ Ферантовъ, а съ нимъ дочь, «американка», отмѣченная трагическою судьбою. Она уѣхала въ Америку съ любимымъ человекомъ... въ гражданскомъ бракѣ. Онъ открылъ въ Бостонѣ какую-то контору... Вышли какія-то неудачи, съ хлопкомъ, кажется. Все пропадаетъ, если ей не удастся достать денегъ. А ей, между тѣмъ, по наследству отъ матери слѣдуетъ получить довольно значительныя деньги черезъ отца, въ случаѣ его смерти или по выходѣ замужъ въ Россіи. «Американецъ» же не можетъ на ней жениться, потому что женатъ. Таково положеніе «американки». Чтобы выйти изъ него, ей необходимо «фигурный бракъ», на него и согласился Урмановъ, смертельно влюбленный въ «американку». Какъ видитъ читатель, пока неоконченная сложная исторія представляеть своеобразный интересъ. Но самое интересное въ немъ, очевидно, это психологія дѣйствующихъ лицъ. Эта легкость, съ которою молодой человекъ отдаетъ свою судьбу въ руки произвольнаго, подвернувшагося подъ руку случая, это незачетливое цотовство своей страсти, прикрываемое благородствомъ побужденій, наконецъ завидованіе разсказчикомъ Урманову въ его ужасномъ положеніи, — все это, описанное авторомъ ярко и съ проникновеніемъ въ глубины душевной жизни героевъ, увлекаетъ читателя. Но, однако, повѣсть еще не окончена, и мы еще воротимся къ ней, когда смыслъ ея станетъ вполне ясенъ, определенъ.

Разсказъ г. Ан. Чехова напечатанъ въ *Сво. Вѣстн.* и называется «Имянины». Въ немъ, по обыкновенію, нѣтъ почти фабулы, и психологической анализъ, весьма яркій и глубокий, составляетъ всю суть, все значеніе произведенія. Г. Чеховъ по временамъ и по мѣстамъ въ этомъ психологическомъ анализѣ неподражаемъ, необыкновененъ, и это мы готовы признать за нимъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Но рядомъ съ этимъ, намъ кажется несомнѣннымъ его неумѣнье или нежеланіе писать такъ, какъ требуется художественною теоріей, т. е. даже и не теоріей, а просто соображеніемъ о необхо-

дмости не развлекать вниманія читателя тридцатью несогласными впечатлѣніями сразу. Къ картинѣ, изображающей известное событіе, нельзя припутывать детали изъ совершенно другой, посторонней картины. Въ этомъ только и состоитъ то, что называется художественною цѣлостностью, — когда въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего лишняго, какъ нѣтъ и недоговореннаго, и всякая частность занимаетъ столько мѣста, сколько нужно. Г. Чеховъ не всегда соблюдаетъ это *эмодное* для впечатлѣній правило, не обдумываетъ формы своихъ произведеній. «Имянины» г. Чехова, по мѣстамъ но истинѣ прелестныя, не избѣгаютъ общаго автору недостатка. Уже не говоря о томъ, что не въ имянинахъ дѣло въ разсказѣ — центр тяжести не въ нихъ, а имъ отдано больше всего мѣста, едва ли ощущенія героини, весьма однообразныя по существу, но только переносимыя съ предмета на предметъ и съ лица на лицо, стоило растягивать въ безконечную веревницу. Ни личность героини не становится отъ этого яснѣе, ни все событіе, описываемое авторомъ, ни мало не выигрываетъ въ отчетливости, въ смыслѣ. А между тѣмъ, повторяемъ, разсказъ по мѣстамъ обнаруживаетъ глубокий талантъ въ авторѣ.

Недуренъ разсказъ (психологическій очеркъ) г. Н. Златовратскаго «Гетманъ», въ которомъ авторъ хочетъ изобразить «холода», мучимаго въ Москвѣ тоскою по родинѣ и по чисто казачьей долѣ, какую онъ видѣлъ въ дѣдѣ. Наконецъ мы должны указать на разсказъ г. Боборыкина, — «По чужимъ людямъ». Г. Боборыкинъ, несмотря на свой «французскій натурализмъ» и пр., остается писателемъ старой хорошей русской школы, вліянія которой не могло преобороть и чуждое, привозное направленіе. Въ разсказѣ «По чужимъ людямъ» авторъ передаетъ печальную исторію болѣзни и смерти одной изъ тѣхъ по истинѣ падчерицъ судьбы, которыхъ жизнь проходитъ посреди чужихъ людей, посреди униженій, глубоко чувствуемыхъ, но неизбѣжныхъ. Авторъ нашъ не распространяется много о вещахъ известныхъ и ненужныхъ; онъ останавливаетъ вниманіе и чувство читателей на томъ, что дѣйствительно характерно въ положеніи «компаньонки» и «чтницы». Сцены, посвященные характеристикѣ отношеній «гоподъ» къ этой «благородной» наемницѣ, очень хороши и вызываютъ въ читателѣ тѣ самыя хорошия чувства сожалѣнія къ несчастной и негодованія протавъ безознательно жестокихъ притѣснителей, которыя только и могутъ составлять «цѣль» разсказа, если только необходимо видѣть эту цѣль. Гуманныя чувства, исчезающія въ наши дни въ типѣ жестокихъ теорій, возбуждать необходимо, и тѣ авторы, которые посвящаютъ этому свое дарованіе, конечно сами имѣя эти же чувства и передавая только свои душевныя состоянія, заслуживаютъ нашего полнаго сочувствія. Изъ короткой характеристики разсказа г. Боборыкина ясно, что, не обладая способностью глубокаго психологическаго анализа, авторъ умѣетъ дать своему произведенію форму, наиболѣе выгодную для впечатлѣнія на читателя.

Ар.

А. И. Введенскій